

Питер в ужасе наблюдал, как его дядя Бен перевел взгляд с человека в толстовке с капюшоном на человека с винтовкой. Бену удалось повернуться ровно настолько, чтобы Питер встретился с ним взглядом, прежде чем они недоверчиво уставились на растекающееся кровавое пятно на его рубашке спереди.

Его глаза закатились с мучительной медлительностью, и он рухнул бесформенной кучей у ног Питера.

— Черт возьми, Смит! Что, черт возьми, с тобой не так?! — Человек с пистолетом зарычал на человека с винтовкой, который сделал шаг назад, теперь неловко держа винтовку. Он держал его подальше от своего тела, как будто боялся, что оно может укусить.

— Я... Я не... Я сказал ему не двигаться! — Смит выдохнул.

Мужчина, державший пистолет, мрачно выругался.

— К черту это. — Он еще раз кивнул человеку в капюшоне. — Хватай труп.

Он указал на Смита:

— Хватай парня. Мы уходим отсюда.

— Почему мы?.. — спросил Смит.

— Потому что, придурок, — прорычал человек с пистолетом, — это тихий жилой район в хорошей части города. Хочешь поспорить, сколько времени потребуется копам, чтобы добраться сюда, как только кто-нибудь позвонит и скажет, что слышал выстрел?

— Я...

— Заткнись. Перестань быть бесполезным и хватай ребенка.

Питер слышал все это как бы издалека, как будто это происходило где-то очень далеко. Для него это не имело непосредственного значения, поскольку он стоял как вкопанный на месте.

Его дядя Бен был мертв.

Он был мертв, лежал скомканной кучей прямо перед ним.

Он видел, как тот умирал, и ничего не сделал.

Он не мог дышать. Его сердце колотилось так громко. Он мог поклясться, что от этого сотрясался весь дом. Все задрожало. Ничто больше не казалось правильным.

Его дядя был мертв... и он, вероятно, был следующим.

Что окончательно вывело его из ступора, так это то, что мужчина в толстовке наклонился и перекинул тело Бена через плечо, как мешок с картошкой.

Именно так.

Ужасная небрежность, с которой они обращались с телом Бена Паркера... как будто это была просто неприятная рутинная работа, которая их совершенно не волновала, была просто невыносимой.

Мужчина в толстовке с капюшоном был уже на полпути к входной двери, а стрелок Смит как раз собирался пройти мимо него, когда Питер Паркер издал бессвязный крик. Его сердце бешено колотилось, готовое выскочить из груди. Кровь шумела у него в ушах, и красная пелена застилала зрение.

Смит поднял руку и несчастно сказал:

— Давай, малыш. Ты идешь с нами.

Питер был маленьким, худощавым и едва ли вдвое меньше Смита. Все это не имело значения, поскольку Питер больше не мыслил рационально.

Он просто должен был остановить человека в толстовке с капюшоном.

Он не мог позволить им забрать дядю Бена.

Он двинулся, чтобы догнать его, но человек с винтовкой преградил ему путь, и он замахнулся на него. Это был совершенно нетренированный удар, без изящества, без мастерства, просто необузданные эмоции и желание причинить кому-нибудь боль. Кто угодно.

Его рука описала размашистый, дико рассчитанный удар. Если бы его кулак достиг намеченной цели, это было бы скорее делом случая, чем замысла.

Смит двигался с точной, отработанной легкостью, создавая идеальный блок. Он мог бы увернуться, но блок позволил бы ему приблизиться, чтобы нанести нокаутирующий удар парню до того, как пострадает кто-нибудь еще.

По крайней мере, таков был план.

Дикий замах Питера врезался в блокирующее предплечье Смита, как лом. Сначала он почувствовал, как хрустнула кость, а затем действительно увидел сквозь красную дымку, как деформируется предплечье мужчины, обвиваясь вокруг его собственного предплечья, когда оно беспрепятственно продолжало движение, ударив мужчину сбоку в челюсть, отправив его обратно в открытую дверь.

У Питера не было времени задуматься о том, насколько это странно.

У него не было ни одной лишней мысли. Все, что имело значение, - это помешать человеку в толстовке увезти дядю Бена.

Питер прыгнул, схватив мужчину в толстовке с капюшоном и заставив его уронить тело Бена, хотя тот этого и не заметил.

Никаких мыслей, просто ярость, боль и желание поделиться ими.

Питер не был до конца уверен, как он оказался верхом на мужчине на полу, да его это и не особо волновало. Его первый удар в лицо человека в капюшоне был таким же нетренированным, как и тот, который отправил Смита в полет, и таким же мощным.

У мужчины, теперь уже без капюшона, не было реальных черт лица. Его кожа была бугристой и неровной, как будто пораженной опухолью. Его рот был просто разрезом поперек лица, о подбородке и говорить было нечего. Его носа не существовало, а ноздри были просто щелочками. Только глаза были близки к нормальным, и даже тогда зрачки имели слабое красное свечение. Эти детали лишь едва промелькнули в сознании Питера, прежде чем эти несущественные черты были стерты еще одним ударом.

Его щелевидный рот открылся, обнажив длинный язык и острые, как иглы, зубы, и он зашипел от боли. Тот, которого Питер заставил замолчать ударом другой руки, ударив кулаком в рот, выбивая зубы и посылая острые осколки во все стороны, вонзаясь в костяшки пальцев Питера.

Не то чтобы это имело значение.

Все та же фигура... что бы это ни было... продолжало биться под ним, еще больше распалая его ярость.

Как эта тварь смеет все еще быть живой?

Как он смеет существовать?

Как могло случиться, что он все еще был жив, когда дядя Бен был мертв?

Питер просто начал колотить. Оба кулака молотили, крушили, нанося карающие, разрушительные удары по существу под ним.

Он поднял обе руки над головой, намереваясь ударить ими по тому немногому, что осталось от головы твари, когда три внезапные колющие боли пронзили его грудь одновременно с тремя резкими взрывными тресками.

Он закашлялся и попытался сделать вдох. Он чувствовал, как его грудь... смещается... двигается... что-то терлось о что-то другое под его кожей, и он снова закашлялся, почувствовав вкус крови.

Они застрелили его.

Он был уверен, что они застрелили его насмерть.

Он посмотрел вниз на то, что осталось от человека под ним. Оно продолжало дергаться и двигаться, несмотря на отсутствие головы и спущенную форму груди.

Его сердце все еще бешено колотилось в груди, но теперь боль добиралась до него. Его руки казались онемевшими... отстраненными. Сердце колотится... вероятно, откачивал свою кровь из этих пулевых ранений.

Он сглотнул, вкус крови на языке стал острее и настойчивее.

Ни с того ни с сего он осознал, что умирает с голоду.

Просто ему повезло, что он собирался умереть голодным.

Его сердце, казалось, не желало останавливаться.

<http://tl.rulate.ru/book/98571/3352822>